

спряталась в сарае, чтобы подмыться и отвлечься от мыслей о яме, которую скоро заставит меня копать отец, когда по нашей размытой подъездной аллее, ловко обходя лужи, прошла девушка. Я прикинул, что лет ей было семнадцать или восемнадцать. Она с трудом волокла за собой чемодан. Напоинила мне маленькую девочку, которая пыталась заглянуть в ванну упрямощегося пса. Каждые несколько шагов она останавливалась, утирала рзун в бедре и оглядывалась вокруг с гримасой недоумения на лице. А бедро, на мой взгляд, у нее было что надо. Может, чуть худовата, но все равно хороши.

Она вытрусилась из пачки сигареты и наклонила голову, чтобы прикурить. Подкатанные парусиновые штаны, бледно-голубая бутуза, завязанная под грудью узлом, — точь-в-точь бесшутная красотка, с которой в кино обычно крутил любовь Марлон Брандо или Вик Морроу.

О такой девочке мечтают все, но мало кто встречает в реальной жизни, и уж точно не здесь, в Парадайзе, или Кентукки, где девушка в парусиновых брюках выглядела бы сушестью ужом — все равно что президент Эйзенхауэр выступил бы с речью в костельном платье или Никсон в прямом эфире заявил о том, что поддерживает коммунистов.

Она дотащила чемодан до задней двери дома и постучала. Прошла пара минут, потом дверь открыла Карол Энн, последняя прибрда моего отца, — он подбрал ее во время очередного загула. Карол Энн явно знала девушку, но не особо ей обрадовалась. Ничего удивительного. За четыре с половиной недели, что Карол Энн обрелась в доме отца, я не видел, чтобы она кем-то была рада. Она маялась от скуки и истерии, напивалась и скандалила, мучилась от похмелья и недовольно брехала — кажется, ничего другого она и не знала.

— Вы только гляньте! — сказал отец из полутора сарая.

ПОСЛЕДНЯЯ МОГИЛА

ТИМ УИЛЬЯМС

У старика был талант подражаться. Иногда мне казалось, что стоишь хорошему, но он задумывается, как он возникнет передо мной прямо из воздуха.

Он подошел и опустил тяжелую руку мне на плечо.

— Хорошо жить на свете, а? — спросил он и перевел взгляд голубых глаз на сигарету в моей руке.

Я с трудом слопнул и про себя взмолился, чтобы из-за девочки — неважно, зачем она приехала, — старик не заметил, что я ставил с комода в его комнате пачку «Лэки Спрайв». У дома Карол Энн огляделась по сторонам головой, минуту пощупала девушку и позвала раскрасные задницы в жесте смиренного — мол, «спасибо, мне не оставили выбора». Она отсторонилась, чтобы девушка смогла заглянуть в дом своей бабки.

— Уж точно, хорошо жить, когда такие кражи падают с неба. Что скажешь, Джек?

Я ответил, что с этим не поспоришь. Отец подмигнул мне и сказал, что хочет прогуляться к речке. Ему нужно было подумать. Я не стал спрашивать, о чем — и так знал ответ. Еще я знал, что для него уже все решено, и не имеет значения, что он там говорил. Я видел, какой взгляд был у него вчерта, когда у Карол Энн подгорело пенисе. Конечно, подгоревшая вылечка — это еще не причина убивать ее и заканывать на заднем дворе фермы. Как я уже говорил, у Карол Энн был не самый приятный нрав, и она ему уже надоела. К тому же она слишком много знала о том, чем он промышляет, чтобы просто выставить ее за дверь. Отец всегда мог найти оправдание убийству.

Он остановился и повернулся ко мне.

— Поступай, Джек, — сказал он, будто бы что-то вспоминая. — Знаешь, как поступают с ворями за окнами? Отрубуют им правую руку, чтобы не забывали, что пошли против закона. Чтобы не тундуло повторить. Читал об этом в «Ньюиз Дажгеографик».

— Отец улыбался, но это ничто не значило. У них была весна.

— Чудное у них там обычаи, за океаном. —

— Да, сор, — ответила я и добыл: — У меня есть четвертак в кармане.

— Оставши на комод, где вазы сигареты. И благодари Бога, что родился и вырос в Америке, а не среди дикарей.

Они были уже немного пьяны и танцевали под песни Патенс Клайн, которые на полторы минуты на нашем магнитофоне. Карол Эйн так и не переставала после завтрака — она была все в той же шелковой комбинации кремового цвета, волосы распущены, помада размазана, но отец все никак не задался и уверял, что она ничуть не хуже Марлин Монро. Она хихикала, просила, чтобы он прекратил молоть вздор, и строила глазки в надежде услышать еще один комплимент.

В этот вечер отец отказался от бурбона и пил только пиво, бутылку за бутылкой. Он был в отличном настроении.

— Кто бы мог подумать, что парочке несостоянных чурбанов из Кентукки вроде нас с Джекки выйдет случай провести летний вечер в компании таких красавок? — еще повторил он. — Говорю тебе, Джекки, видно, что-то в этой жизни мне сделало приятно.

Карол Эйн хихикала. Элин, ее дочь, закатывала глаза. Мне нравилось, что она пропуская мимо ушей брезво моего старика. Мне многое в него нравилось: загорелый живот, высокая грудь и от природы красивые губы. Она была красивой. Даже я, пятнадцатилетний пацан, это понимал. У нас был слишком острый подбородок, маленькие редкие зубы, близко посаженные глаза чуть косили. Но она казалась мне роскошной и взрослой, возможно, из-за манеры с легкой попойкой ходить и одну за другой курить сигареты «Честерфилд».

— У вас что, нечего послушать, кроме Патенс Клайн? — сказала Элин, когда отец в четвертый раз включил «Walkin' After Midnight».

— Чем тебе не угодила Патенс Клайн? — спросил отец.

— Не обращай внимания, — с трудом произнесла Карол Эйн и бросила на дочь недовольный взгляд.

Отец зажег спичку о ноготы и закурил. Сигареты он вытаскивал из пачки «Лан Страйк», которую отобрал у меня, хотя я и оставил четвертак на комод.

— Дерка пари, тебе больше по нраву негритяская музыка. Чак Берри, Литл Ричард, Элвис?

— Элвис белый, — заметила я.

Отец строго взглянул на меня. — Ты хочешь спорить? —

— Я везу такую любовь, — сказала Элин. — Даже Патенс Клайн, но только если не слышу одну и ту же песню через каждые десять минут.

Я открыл себе одну бутылку пива, хотя мне было не по себе при мысли о том, что будет дальше. Отец уже сказал, что мы станем веселиться всю ночь напролет, а потом возьмем покрывало, захватим пиво и сэндвичи и пойдем встречать рассвет. Карол Эйн считала, что это чертовски романтично, и взглядом умоляла дочь согласиться, пока Элин не сдастся:

— Конечно, почему бы и нет.

Я подумал, что, наверное, тогда-то он их и убьет, когда еще совсем темно, но рассвет уже близко, чтобы в первых лучах солнца я видел, где копать.

Я не знал, почему отец стал таким. Может, у него в голове чего-то не хватало, а может, он был психом, или такая уж мерзкая у него была натура. Этого я не знал. Но я хорошо понимал, что в детстве ботворил это. Было, он сказал мне на плечи и катал. Или украдкой совал мне лимонную мармеладку, когда мама не видела. Все изменилось, когда се сблизил с ней водить. Тогда я повернулся и понял, какие страшные грехи отец

принял на душу, я стал его бояться. Теперь казалось, что любовь к отцу и страх перед ним так перемешались, что я не могу сказать, где заканчивается первое и начинается второе.

Он зарабатывал на жизнь по-разному: переводил контрабандный алкоголь в «сухую» округу на западе Кентукки, мухлевал в карты и кости и при случае за деньги подкалывал своим же жидким под другим. Но на самом деле отец был убийцей. Я помог ему закопать подожженные ящики, парочку воинственно настроенных пьяных картежников (просекли, что их надули в став-покер), одного негра (завлякнул к нам, вооруженный бритвой, когда Элин, ее отец пересела с его дочкой) и нового помощника шерифа (не хотел соблюдать уговор, который был у отца с шерифом Клинтон).

— Отдади бы пенни, чтобы узнать, что у тебя на уме, но тогда бы я переспал, — сказал отец, подмигнув мне через плечо Карол Эйн. — Побуду вашим свеклом воздухом, — сказал я.

— Конечно. И не палей на пиво, Джекки. Вечер только начинается.

Его взгляд резал, как разбитое

стекло. Он сидел в амбаре уже десять или пятнадцать минут, просто курит и смотрит, как роняет монжара вокруг газовых фонарей, когда она за мной пришла. В каждой руке у нее было по две бутылки пива. — Я подумала, что тебя замулит от того брда, что он нес, а не от пива, — Элин передала мне бутылку и широко улыбалась. — Я и откровенно захватила. Она в заднем кармане, попробуй достать.

Элин повернулась и подхватила мне бедро. Во рту пересохло, руки тряслись, но я все равно влез к ней в карман и поощаил себе, что никогда не забуду, как се обгуняла джинсами пока лежала в мою задницу.

— Спасибо, — сказала Элин, когда я протянул ей открытку.

Она уселась на топ сена, сделала глоток и полезла в карман блузки за сигаретами. Я хотел быть непринужденным, спокойным и обязательным, но все никак не мог отойти после того, как полез к ней в карман. Я почувствовал, что у меня встает, и попытался усесться так, чтобы она ничего не заметила.

— Сонная черепаха поднимает голову, — сказала Элин и хихикала. Я понял, что она немного пьяна.

Меня словно кинжком окатили. Я устоял на следы шин в грязи и раскidanное на полу амбара

сено. На какое-то мгновение мне даже захотелось поскорее начать рыть могилу.

— Ивини, — сказала Элин, вытаскивая пачку тыльной стороной дырки. — Не хотела тебя смутить. — На ее губах появилась легкая драгизация усмешки. — Это так мило, что я тебе нравлюсь.

— Я не ребенок, — сам не пойму, с чего я это бранюл. — Это и не говорила.

— Ну и хорошо. Потому что я не ребенок.

Но взрослым я себя не чувствовал. За ужинном я узнал немного о се прошлом. До одиннадцати лет Элин жила с Карол Эйн, но когда у матери появился мужчина, се отправили к бабушке по материнской

линии, прижимистый секантике-пятидесятилетник, который установила дома строгие порядки. Через три года такой жизни Элин решила, что се всего хватит, и бежала с азлексим коммювареном, которого встретила возле супермаркета IGA. Он бросил се в городе Лима, штат Огайо, но домой она не вернулась.

Она обвела всю округу — Луисвилл, Цинциннати, Колумбус, даже побывала в Детройте, штат Мичиган. В своей восемнадцатый день рождения Элин вернулась домой. Она оксала там десять дней, донимала се старых приятели и знакомых, и наконец след вывел се на нашу ферму в трех с половиной милях от Парадайза. Но на три с половиной мили дальше, чем самое глухое захолустье, какое бывает здесь, в нашей глуши. Я подумал, что в городе можно и вовсе не спать, если не хочешь, и всегда будешь видеть, кто тебя подкаждит.

— Почему ты вернулась? — спросил я, чтобы сместить тему. — Если я когда-нибудь отсюда выберусь... —

— Не говоришь, куда кончатся деньги, кажется, что дома не так уж плохо.

— Ты скучала по маме? —

— Еще чего!

Я покал плечами:

— Ты ведь се искала.

— Ты некуда больше податься, — она серьезно на меня посмотрела.

— Как дурачок, твой отец разрешит мне остаться с вами?

— Конечно.

— Наверное, неадекватно.

— Тебе еще надо.

Она улыбалась, и я почувствовал себя виноватым. — Похоже, он ничего. — Ты ошибаешься. — Она расмелась и трянула волосами. Я так и думала. Просто к слову пришлось. В траве за сараем трещали сверчки. На фоне идущего от дома приглушенного голоса Патенс Клайн их стрекот был похож на звуки расстроенных скрипок. — Расскажи про везд, — попрощался я. — В городе потираюсе. Особенно в Денвере. Вернусь туда, как только подберу денжак. Там

не закуахнешь: естк куда пойти, испукал себя. А дома такие высокие, что шва заболит, если смотреть на верные этажи. И ярые огни, и музыка до самого утра, — она сделала длинную затяжку и выпустила дым в мою сторону. — Я не собираюсь сидеть в этом захолустье дольше, чем придется, уж поверь мне.

Я попытался представить эту картинку: огромный город с широкими тротуарами, автобусами и такси, которые отбуксуют тебе, куда захочешь. Мужчины ходят на работу в костюмах, у женщин в ушах сверкают настоящие бриллианты. Большие всего мне понравились огни. Я думал о том, как они горят всю ночь и отгоняют прочь тьму. Городские не знают, что такое настоящие непроглядные темноты, какой бывает здесь, в нашей глуши. Я подумал, что в городе можно и вовсе не спать, если не хочешь, и всегда будешь видеть, кто тебя подкаждит.

— Здрово там, — сказала я.

Больше говорить было нечего, так же молча пили пиво и курили. Я слушал стрекот сверчков и старался не думать о том, что произойдет позже. Я не мог ни на чем остановить взгляд, потому что сломать на Элин: как нрав, волос обвилься вокруг се шеи, как от дыхания поднимается и опускается ее грудь. Зра она сюда пришла, лучше бы ей отстала среди тех отней, подальше от меня и моего старика.

Потом я подумал о том, что сказала бы отец в таких пустых мыслях. — Собирай в один задний дерьмо, а в другую — жезланин, и посмотри, какая наполнится быстрее. —

— Похоже, Патенс на сегодня закончила, — заметила Элин через некоторое время.

Я не сразу понял, что она имеет в виду. Теперь сверчки выстукали соло. Музыка, которая доносилась из дома, смолкла, и наступившая тишина испугала меня. Первое, что я подумал: он сделал это и в любой момент может заглянуть сюда, чтобы закончить дерьмо. Но у Элин оказалась другая версия, и она снова смог дышать.

— Интересно, они добрались до спальных или трахаются прямо на полу в гостиной? — сказала Элли.

— Наверное, так и есть, — ответила и вступо засмеялась от облегчения.

Она закатила глаза.

— Мама перед всеми ноги раздвигает. А еще удивляется, почему из меня не вышла Мисс Благочестивости.

Я пропустила эту фразу мимо ушей. Сердце медленно успокаивалось, но облегчение было недолгим. Наверное, это еще не произошло. Отец не любил убивать в доме, потом приходилось слишком долго возиться с уборкой. Но он не передумал. Я знал это так же точно, как и то, что до рассвета очень темно, когда на мир спускается темнота.

— Ну, и скажи тебе лет, Джеки? — спросила Элли. — По правде.

— Пятнадцать. Через пару недель будет шестнадцать.

— Черт возьми, не такой уж ты и ребенок, — она наклонила бутылку в мою сторону. — Был когда-нибудь с девушкой?

— Конечно.

— А если честно?

Я не был уверен на сто процентов. В последний день занятий в школе Питер Франслин, Мерз Генри и я собрались с духом и наведались в вагончик Розанны Элли в Клитоне. Розанне было лет пятьдесят, и за один раз она брата

два доллара. Но мне она не дала — позволила только поперется о ее стиснутые бедра, пока я не кончил. Я до сих пор чувствовал себя обманутым, хотя, если честно, тогда я был всем доволен.

Теперь я думаю, что это все равно считается, потому что сказал: — Говорю же, что был. — Хорошо. Не хотелось бы совращать младенцев, — заметила Элли.

Тут она встала в полный рост, развязала узел на блузке и стала

растегивать пуговицы. Она стирнула с плеч блузку, пошатываясь пошла ко мне и вала меня за руку, но я все думал о том, как стучит лопата о еще твердую землю.

Все решили те яркие огни. Даже когда мы с Элли, потные и уставшие, валились на сено, я все думал о них, о том, как их неровный свет отгоняет ночную тьму. Когда хлопнула задняя дверь и в тишине раздались

голоса отца и Карол Эни, которые знали нас, я вновь тосковал о тех огнях, как будто они были частью мира, к которому когда-то принадлежал и я, но из которого меня насильно вырвали — а ведь я даже никогда не бывал в городе больше Онедуборо.

— Даже не буду спрашивать, чем вы двое занимались, — сказал отец и подмигнул мне.

На плече у него болтался рожаж, где было пиво, нарезанная ветчина и поджаренный подгоревшего

печенья Карол Эни, а в другой руке он держал карманный фонарик. Свой старый колгот сорок пятного калибра отец запнул за пояс спереди, скрыл его полым рубашки. Карол Эни несла свернутое покрывало и болтала о том, какая сегодня чудесная ночь и что она уже сто лет не встречала рассвет — ну разве это не самое романтичное, что только может быть? Даже Элли, являющаяся и сонная, с ней соглашалась. Как насчет меня? Я все думал о том, что до лопаты на ладонях останут-

ся водьери, и еще о мерцающих огнях города — они все отдалялись и отдалялись, пока их было уже не различить.

— Сбегай-ка в дом и принеси дрововик, — велел мне отец. — Может, нам попадется какая смешная живность, не хочу ее упустить.

Даже в тусклом свете газового фонаря я видел, как блещет его голубые глаза.

— Он я шарил в коридоре! — крикнул отец мне вслед.

Я и так знал, где он дернул дрововик. Отец заставлял меня не спать его лет с девяти на тот случай, если кто-то попытается бежать или что-то пойдет не так. Но мне еще не доводилось из него стрелять.

Когда я вернулся с короткоствольным дрововиком Браунинга, они уже открыли по бутылке пива. Элли даже смеялась над анекдотом моего старика о Паре Римском, монашке и сенаторе Кеннеди.

Отец повел нас по тропинке, которая то и дело сворачивала в густые заросли земляничного дерева и спускалась к реке. Он все говорил о том, как красиво солнце встает над водой, но я-то знал, что оно делает это ради меня. У реки земля была более мягкой.

В какой-то момент Элли нашла мою руку и сказала ее. В тусклом свете отцовского фонаря я видел, что она вглядывается в мое лицо, чего-то с нетерпением ожидая. Я с удивлением подумал: то, что между нами произошло, странным образом изменило ее.

Прежде она казалась мне такой яростной, упрямой и опытной — куда яростнее, умнее и опытнее меня. А теперь смотрела на меня, пива запитая, будто я за нее в ответе. Еще никто не смотрел на меня так.

Когда мы наконец вышли из зарослей на ровное место, отец опустил рюкзаки на землю и велел Элли растелить покрывало. Потом он пригнул ее к себе. Карол Эни успела переодеться в слюки и меховый свитер, и отец запнулся под него руку и поцеловал ее. Элли отвернулась, а

Он зарабатывал на жизнь по-разному: перевозил контрабандный алкоголь в «сухие» округа на западе Кентукки, мухлевал в карты и

я не смог. С легким отвращением я смотрел, как он ее лапал, зная, что в любой момент отец может спустить курок. Я дал себе зарок, что никогда не стану таким. Никогда не буду сводничать и сидеть на чужой шее. Никогда не скажу женщине, что люблю ее, чтобы потом заставить раздвигать ноги перед каждым заблудыгой, готовым выложить пять долларов. Никогда у меня не будет этого голодного блеска в глазах. Я никогда не убью человека просто так.

— Ну вот! — обратился отец к женщинам. — А теперь пойдите к обрыву и поглядите вниз.

— Что? — спросила Элли, не выпуская моей руки.

Отец вырвал ее руку из моей.

— Да тут березы весь вид закрывают. А Джек уже все видел. Давай, подойди с мамой вон туда. Не покажешь.

Она бросила на меня вопрошательный взгляд, и я кивнул. Пошатываясь, Карол Эни и Элли сделали несколько шагов вперед.

— Не дай живности уйти, — прошептал отец мне на ухо.

Он глубоко вдохнул и задержал дыхание — наверное, хотел продлить это мгновение. Потом откинул полу рубашки и вытащил из-за пояса свой кольт сорок пятого калибра. Он снял его с предохранителя и навел дуло на голову Карол Эни. Трещан сверкнул, я думал о том, что сейчас произойдет. Два выстрела. Больше не понадобится. Когда все будет кончено, он повернется ко мне и велитбраться за лопату и пошевеливаться. Я закоулю еще до обеда и когда вернусь в дом, он подарит мне холодное пиво. Пройдет несколько дней, он выместит, добьется, надушит свои самым дорогим одеколоном и отправится в «Жесткую роль» или в какой-то другой бар. То, что сейчас произойдет, станет еще одним воспоминанием, которое навсегда свяжет меня с ним.

В этот момент я подумал: а что если убить его? Я держал палец на спусковом крючке. Но в голове про-

нелась мысль: ведь если я спую их, мне придется за них отвечать. Отвечать за Элли я был не против, но Карол Эни была старой алкоголичкой и могла не понять, почему мне пришлось убить отца.

— Смотрите внимательно, — сказал им отец. — Сейчас все будет.

Он спустил курок. Карол Эни дернулась и осела на землю, Элли закричала. Вздрогнув, отец выдохнул и направил на нее пистолет. Все решило яркое огни. Я видел, как они гаснут один за другим. Я

не хотел, чтобы они гасли. Я навел дробовик на отца, прямо на почку, и выстрелил из обоих стволов.

Он сделал несколько неверных шагов вперед и попытался обернуться, но не смог. Он упал прямо в грязь. Я не смотрел на него. Я бросил дробовик на землю и обнял Элли. Я обнимал ее до тех пор, пока она не перестала кричать.

— Он был психом. Хотел убить тебя, понимаешь?

Она кивнула, уткнувшись лицом мне в грудь.

— Что мы будем делать?

— Мы их закопаем. Потом возьмем девятьсот долларов, которые припрятали у отца в погребе, и на первом же автобусе уедем отсюда, куда хочешь. Главное, чтобы там были яркие огни и музыка.

— Мне страшно.

— Я знаю. Уо нас нет выбора. Элли посмотрела на лежащее на земле тело матери.

— Он убил ее.

— Да. И тебе бы он тоже убил. Она кивнула и поцеловала меня

в щеку.

— Простого скажи, что надо делать.

Конечно, я послал ее в сарай за лопатой. Чтобы она не заблудилась, я дал ей отцовский фонарик.

Ее не было целую вечность. Я дождался ее возвращения в темноте, был комаров, а потом опустился на одно колено, достал пачку «Лакс Страйп» из кармана отцовской рубашки и выудил четвертак в кармане его брэн. Когда Элли вернулась, волоча за

собой лопату, я успел выкурить три сигареты, вслушиваясь в стрекот сверчков.

Я забрал у нее лопату и поцеловал в лоб. Уже светало. Восходящее солнце раскрасило небо в фиолетовые, красные и золотые полосы. Какое-то мгновение я пролежал на животе и смотрел на небо. В этот момент я поклялся, что никогда не стану таким, как отец. Я оглянулся, посмотрел на Элли и дал себе клятву, что никогда не буду ее использовать и не причиню ей боль. Я пообещал себе, что больше никого никогда не убью.

Но я многого не знал тогда. Не знал, как яркие огни расплывются и растворятся в темноте.

Не знал, как быстро заканчиваются девятьсот долларов, как сильно может сводить живот от голода и как легко убедить женщину открыть рот или раздвинуть ноги, чтобы заглянуть за помет или горячий ушки. Я не представлял, как может раздражать жалостливый взгляд любящей женщины. Я не понимал, как может зудеть палец, скучая по курку.

Я знал только, что рядом со мной Элли и что начинается новый день. В те минуты я верил, что мои обещания и клятвы что-то значат. Навыный спущен, я верил, что в это утро я копаю свою последнюю могилу. ♣